

На правах рукописи

Данилочкина Ксения Сергеевна

**СЕВЕРНЫЕ ГРАНИЦЫ РИМСКОЙ БРИТАНИИ II В. Н.Э.: РОЛЬ И
НАЗНАЧЕНИЕ ВАЛА АДРИАНА И ВАЛА АНТОНИНА**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва 2025

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)».

Научный руководитель: **Иванчик Аскольд Игоревич**
доктор исторических наук, профессор, член-корр.
РАН

Официальные оппоненты: **Подосинов Александр Васильевич**
доктор исторических наук, профессор, кафедра
древних языков исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой

Филимонов Никита Александрович
кандидат исторических наук; Институт истории и
права КГУ им. К.Э. Циолковского, старший
преподаватель

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»

Защита состоится «26» сентября 2025 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО «РГГУ») по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: <https://rsuh.ru/dissovet/d-212-198-03/soiskateli/danilochkina-kseniya-sergeevna.php>

Автореферат разослан « » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Барышева Елена Владимировна

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Вал Адриана и Вал Антонина – две укрепленные границы на территории британского острова были возведены по приказам императоров, в честь которых мы их сейчас называем. В современной историографии идет активная дискуссия, связанная с изучением вопроса об их функциях и контексте, в котором они существовали. Их строительство обычно датируется 120-ми и 140-ми годами соответственно, и именно стены стали со временем символом римского владычества в Британии.

Образ стены стал частью литературного наследия. Например, Джонатан Свифт использовал его, описывая не просто стену, но разрушенную стену между Шотландией и Англией. А была она таковой из-за сомнительных отношений и договоренностей между ними, в отличие от гордой и непокорной католической Ирландии, отделенной морем. С возрождением интереса к великому имперскому прошлому Британии образы стен используются в политических памфлетах про отношения Англии и Шотландии в контексте сложившегося убеждения в том, что территории, которые находилось в пределах стены, считались цивилизованными, или как выражались тогда *романизированными*, а все, что находилось за пределами, было непременно диким. Хотя следует отметить, что в настоящий момент в современных исследованиях термин «романизация» подвергся критике. Если раньше считалось, что это процессы, происходившие в рамках подчинения местных культур, которые оказывались под влиянием римской, в чем слышатся отголоски эпохи колониализма, теперь это воспринимается иначе.

Стены как частный случай римской истории добавляет новые важные детали к обширной картине. Новые находки, методы и подходы к изучению позволяют по-новому взглянуть на происходившие события и дают

возможность переосмыслить уже, казалось бы, утвердившиеся теории о том, какова была Римская Британия.

Объект исследования – римская Британия во II в. **Предмет исследования** – северные границы Римской Британии (Вал Адриана и Антонина) во II в. н.э. и их роль и назначение.

Хронологические рамки исследования определяются II в. н.э., поскольку в это время были созданы границы, происходила их смена, что в свою очередь повлияло на то, что деятельность римской армии в указанных местах была наиболее активной. II век стал отправной точкой, которая закрепила линию границы для провинции, а все последующие изменения, касающиеся как истории Римской империи, так и последующей жизни острова, были связаны именно с двумя укрепленными комплексами, созданными в этот период.

Территориальные рамки данного исследования включают территории острова, расположенные между самой дальней точкой, куда смогли дойти римляне на севере – Шотландского нагорья – и дорогой Стейнгейт, проходившей по линии, сформированной долинами реки Тайн в Нортумберленде и Иртинг в Камбрии; эта линия была одной из первых границ провинции. Такой выбор обусловлен тем, что именно здесь во II веке римляне создавали рубежи и проводили границы, которые менялись в зависимости от политической и военной ситуации.

В качестве **источников** диссертации выступают произведения античных авторов различных периодов, надписи I–IV вв., а также археологические материалы.

Среди литературных источников трудно найти произведение, темой которого была бы исключительно Британия. Однако это вовсе не означает, что история острова никак не отразилась в произведениях античных авторов.

Для исследования важны труды Публия Корнелия Тацита несмотря на то, что его творчество выходит за пределы хронологических рамок исследования. Наибольшую ценность среди них представляют «Жизнеописание Юлия Агриколы» и «Анналы», которые позволяют нам составить представление о том, как Британия выглядела с точки зрения римлян конца I — начала II вв. Эту картину можно дополнить более ранними свидетельствами из «Географии» Страбона, «Записок о Галльской войне» Цезаря и «Географии» Птолемея. В этих трудах содержатся представления об острове, его географии и населении на различных этапах взаимодействия между Римом и Британией. Произведения оказываются важными для исследования с точки зрения изучения предпосылок, приведших к созданию укрепленных границ на территории острова.

Для реконструкции античного образа Римской Британии важны также поэтические источники. Они представлены трудами знаменитейших римских поэтов: Горация, Вергилия, Марциала, Клавдиана: которые сформировали отношение к Британии на ранних этапах становления ее в качестве римской провинции.

Один из основных литературных источников по истории Адрианова и Антонинова валов известен как «Жизнеописания Августов» (*Scriptores Historiae Augustae – SHA*). Это сборник биографий римских императоров, который — при внимательном анализе и с поправкой на время и цели создания — позволяет узнать о подробностях политики, проводимой императорами в отношении провинции. Краткие сообщения «Жизнеописаний» отражают реалии создания стен ретроспективно, именно в этих текстах сохранились ключевые нарративные свидетельства о создании укрепленных границ в Британии. Они помогают атрибутировать их создание именно временем правления императоров Адриана и Антонина, что подтверждается эпиграфикой.

Ценные сведения о топографии и географии провинции содержатся в «Итинерарии Антонина», источнике, представляющем собой систематизированные в виде путеводителя сведения о городах и маршрутах Империи в целом и в Британии в частности.

Эпиграфический материал по изучаемой проблеме, в основном, представлен в *Roman inscriptions of Britain (RIB)*. Это недавно оцифрованный корпус надписей, созданный на основе нескольких томов под редакцией Р.Дж. Коллингвуда и Р.П. Райта. Кроме того, надписи, касающиеся Британии, можно найти в бюллетене *Année épigraphique (AE)* и своде *Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL)*.

Среди эпиграфических памятников выделяются различные группы лапидарных надписей и надписей на прочих материалах: дереве, коже, керамике или др. Данные источники можно разделить на несколько категорий, которые наиболее важны для нашего исследования в силу того, какую информацию они содержат. Данные источники можно разделить на несколько категорий по их содержанию и по той информации, которую они дают для нашего исследования. Особенно важны строительные надписи или записи о ремонте различных сооружений: они позволяют уточнять датировку строительства и упоминают тех, кто был занят непосредственным, материальным созданием границ. Ценную информацию дают эпитафии, в которых иногда указаны подробности жизни тех, кому они были посвящены. Они относятся к категории частных надписей и представляют сведения об индивидуальных достижениях, но их анализ позволяет сделать выводы, касающиеся и общества в целом, в том числе об отношениях между римской армией и местным населением, о карьерах служивших в Британии военных и связанных с провинциальным гарнизоном лиц. Особняком в этой части источников стоят деревянные таблички, найденные в Виндоланде. Среди табличек имеются как официальные записи, так и частная переписка, которая позволяет раскрыть

детали повседневной жизни изучаемого периода из обыденной жизни римских легионеров или их жен.

Важность археологических данных для изучения истории римской Британии сложно переоценить, особенно в условиях скудости письменных источников, посвященных истории острова. С одной стороны, они расширяют корпус доступных источников, с другой, благодаря работе с памятниками материальной культуры происходит процесс интерпретации и концептуализации истории.

При изучении границ отдельного внимания заслуживает изучение других схожих комплексов приграничных укреплений, расположенных на территории империи. Сопоставляя и анализируя детали, известные нам о границах, мы сможем подробнее понять назначение Валов в Британии. Наличие укрепленных границ в империи напрямую говорит о характере взаимоотношения с местным населением на приграничных территориях.

Нумизматические данные, собранные, в частности, в RIC (Roman imperial coins), позволяют выяснить, каковы были тенденции развития экономического взаимодействия, подкрепить датировки событий и дают иную информацию о социальной и политической ситуации в регионе.

Все вышеуказанные источники позволяют проследить процессы, проходившие на территории провинции во II веке. Они отражают информацию о взаимодействии культур, а их комплексный анализ раскрывает картину исторических событий и их восприятия в дальнейшей литературной традиции, в том числе с точки зрения идеологических предпосылок создания укрепленных границ.

Степень изученности темы

Научная литература по Римской Британии, с одной стороны, обширна, но специфический характер источниковой базы предопределяет возникновение множества вопросов, не имеющих удовлетворительного ответа.

Среди отечественных исследователей, посвящавших труды истории Римской Британии, нельзя не отметить Н.С. Широкову, уделившую внимание культовой жизни провинции, А.Е. Барышникова, в трудах которого затрагиваются наиболее актуальные вопросы изучения провинции, раскрывающих различные отдельные вопросы истории Римской Британии, связанных с урбанизацией, рецепцией и историографическими дискуссиями. Не утратили свою значимость работы М.С. Садовской, которая в своих статьях затрагивала различные аспекты истории провинции, от культов до истории с исчезновением IX Испанского легиона. Также отечественные ученые уделили много внимания вопросам идеологической политики императоров, вопросу изучения границ и приграничных систем и истории Римских провинций в целом.

Важнейшую роль в развитии исследований провинции играют британские учёные, хотя последние десятилетия отмечены заметной интернационализацией романо-британистики. Ещё одна заметная тенденция — расширение круга изучаемых вопросов, часто происходящее благодаря «взгляду извне», работам исследователей, выросших и получивших образование за пределами Соединённого королевства. Наиболее важную для нас научную литературу можно разделить на три крупных группы: 1) исследования общего характера, которые стремятся к комплексному описанию истории римского периода на острове, среди которых особняком выделяются труды Питера Сэлуэя и Патриции Саузерн 2) исследования, которые касаются непосредственно провинциальных границ, за авторством Питера Хилла, Дэвида Бриза и Брайана Добсона, Лоренса Киппи, а также 3) работы, посвященные идеологии, проблемам идентичности и культурной истории Британии. Говоря о третьей группе, следует особенно выделить Энтони Бёрли с книгой «Roman Government of Britain», которая представляет собой результаты огромной работы по сопоставлению имен собственных, патронимов и прочих записей, включая

эпиграфические данные со всех уголков империи. Также важна работа Дэвида Шоттера «Римляне и Бритты на Северо-Востоке Англии», в которой автор, описывая отношения между местными общинами и Римом, делает большой упор на данные с археологических раскопок и приводит множество фотографий аэросъемки в подтверждение своих предположений. Особого упоминания заслуживает монография Ричарда Хингли, который провёл анализ истории изучения и упоминаний в различных источниках Стены Адриана с момента ее создания.

Исследованию идентичностей и сообществ севера провинции, а также юридического устройства приграничных территорий в последние два десятилетия посвящено множество книг и статей — прежде всего, Д. Мэттингли, Э. Гарднера, Т. Ивлевой, Р. Коллинса и Ф. Макинтоша. Проблемы идентичности рассматриваются в работе Йэна Хейнса «Идентичность и военное сообщество в римской Британии», где автор обстоятельно реконструирует различные варианты воинских идентичностей и сложную реальность, стоящую за ними.

Поскольку Валы Адриана и Антонина представляют собой конкретный случай приграничных укреплений Империи, следует также обратить внимание на изучение феномена *лимесов*, то есть укрепленных границ Римской империи. Общие принципы устройства различных лимесов описаны в труде Я. Ле Бюэка; эта книга остаётся одной из наиболее важных для развивающейся *лимесологии*. К этому направлению относятся статьи Эрика Бирли, который попытался систематизировать информацию о пограничьях и на основе проделанной работы выделил открытые лимесы (Верхняя Германия, Нумидия и Дакия) — границы, где располагалось меньше укреплений и войск, и закрытые (Британия, Нижняя Германия, Паннония, Мезия), которые, соответственно, имели большее количество и тех, и других. В отечественной историографии также есть ряд интересных и полезных для нашего исследования работ, в частности, статьи А.В.

Колобова о далматийском лимесе и Е.С. Данилова о военной логистике римского приграничья.

Все вышеуказанные работы, хоть и позволяют изучить различные аспекты романо-британской истории, но не ставят своей задачей рассмотреть северные границы провинции комплексно для изучения процессов культурного взаимодействия на границах империи с пониманием исторического процесса и рецепции, а также для концептуализации истории провинции в вопросе существования границ. Данная работа призвана заполнить эту лакуну.

Цель и задачи исследования

Цель – выявить различные аспекты контекста существования укрепленных границ в провинции во II веке, их роль в жизни Римской Британии этого времени. В рамках исследования предпринимается попытка определить роль как практической, так и идеологической стороны вопроса. Подобный подход оказывается необходимым, поскольку это напрямую связано с тем, какие причины могли стоять за решениями о возведении стен на острове, причем в незначительном отдалении друг от друга и в столь короткий временной период, а также каково было их назначение и впоследствии влияние.

Для этого нам необходимо выделить несколько **задач**. Во-первых, в хронологическом порядке следует описать устройство северных границ, их сходства и различия. При этом важно учесть не только особенности памятников при сравнении их друг с другом, но также сопоставить их с другими границами Римской империи соответствующего периода. Во-вторых, прояснить, как они вписывались в контекст взаимодействия между Римом и местным населением, как со стороны Рима, так и в восприятии жителей острова. В-третьих, следует учесть идеологический контекст создания границ подобного рода, поскольку в каждом отдельном случае создание приграничных укреплений имело отношение не только к ситуации

непосредственно на месте, но к тому, что в тот момент происходило в столице.

Наконец, важным кажется представить то, как изменялось значение стен с течением времени, как обеспечивалось их функционирование и как была обустроена повседневная жизнь на прилегающих территориях, а также как они повлияли на жизнь на острове.

Методологическую основу исследования составляют *сравнительно-исторический* и *проблемно-хронологический* методы, поскольку для решения поставленных задачи необходимо поместить изучаемые предметы в контекст: существование границ с учетом *принципа историзма* позволяет учитывать связь как с предшествующими и последующими событиями истории империи и провинций, так и между границами Британии и типологически схожими объектами. Кроме того, в исследовании применяется *синтез* и *анализ* данных (археологических, эпиграфических, филологических и др.). *Историко-системный метод* позволил рассмотреть изучаемые объекты как часть общего, т.е. границ в целом, так и для конкретной ситуации на острове. Наконец, исследование было бы невозможно без *историко-критического метода* при работе с литературной традицией, которая, несмотря на относительно малый объем, дает данные для изучения интересующих нас феноменов.

Немаловажно отметить также **терминологические особенности** при изучении темы. В связи с тем, что тема работы касается двух укрепленных границ, следует сказать о том, как они именуются. Существует два основных термина, которые используют в отношении приграничных укреплений в Британии: «Вал» и «Стена». При разных названиях можно представить и разные сооружения: каменную *стену*, сохранившуюся не по всей своей протяженности, вероятно, с частоколом на ней и рвом перед ней, а также *вал*, сформированный земляной насыпью. Однако и вал, и стена на деле являются разными частями приграничного комплекса. В связи с этим

в данной работе не будет сделано специального различия двух терминов. Тем не менее, при рассмотрении более частных ситуаций, в тех случаях, где важно выделить указание на вал как составную часть комплекса, представляется рациональным использовать латинский термин *vallum* в его латинской версии написания, чтобы отличать его от русского «Вал».

Также следует оговорить, какой смысл мы вкладываем в понятие «идеология» в данной работе. Мы понимаем идеологию как концептуально оформленные идеи и представления, связанные с мировоззрением и восприятием картины мира, причем в основном политической. Говоря об идеологии в контексте римской истории, мы будем реконструировать ее на основании имеющихся, безусловно, фрагментарных и не полных, данных, опираясь на отдельные примеры, которые наиболее ярко представлены деяниями императоров. Именно в этом ключе кажется правильным рассматривать вопрос о причинах создания необычных сооружений.

Еще одной деталью, которую необходимо учесть в нашем исследовании, становится сама тема границы, и той роли, которую она играла в жизни Рима. Значимость границ подтверждается, например, наличием большого количества лименальных богов, которых связывают с границами и переходами (Янус, Термин, Форкул, Кардеа, Лима или Лиментин). Граница была для римлян сакральным местом, которое при этом влияло на повседневную жизнь, будь то пределы земельного участка, провинции или целой империи. Именно граница будет связана с описанием обстоятельств, сопутствующих основанию Рима. В античной традиции она всегда имела важное сакральное значение, отделяя священное пространство от внешнего мира, например, с этим связан и запрет хоронить внутри стен во избежание осквернения города.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении северных границ провинции Британия комплексно впервые на русском языке. Безусловно за долгое время существования исследований по Римской

Британии в целом немалое количество работ было посвящено изучению границ провинции. Однако чаще всего они затрагивают отдельные темы или объекты, что с одной стороны позволяет представить наиболее детальное исследование, но с другой стороны теряется контекст. Кроме того, можно отметить отсутствие теоретических и историко-культурных исследований, которые позволили бы посмотреть на проблему назначения и функционирования границ не только с практической стороны. Данное исследование позволит расширить представления о том, как Римская империя взаимодействовала с захваченными территориями на примере Британии, оно углубит наши знания о том, какой характер имело распространение римского влияния в целом, а также представит тему изучения границ с учетом объединения военно-политической, а также культурно-идеологической стороны вопроса.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Решение о строительстве Вала Адриана и последующее смещение границ на линию Вала Антонина было в большой степени обусловлено идеологическими причинами. Стены должны были показать, что римляне надёжно обосновались на этой земле и не собираются с неё уходить.
2. Вал Адриана и Вал Антонина обладали рядом отличий от других *лимесов* (укрепленных границ) империи, но выполняли те же функции по контролю и защите империи.
3. В идеологическом смысле возведение Вала Адриана является новацией: это появление нового формата границ, который появилась вопреки известной идее *imperium sine fine*.
4. Создание Вала Антонина было обусловлено и продолжением политики предшественников по укреплению границ империи, и стремлением укрепить собственный авторитет.

5. Вал Адриана и Вал Антонина стали не столько местом разъединения и разделения, сколько местом соприкосновения культур, поскольку обеспечение жизни на границе находилось не только в руках римской армии, но также местного гражданского населения, будь то торговцы, ремесленники, жены и дети воинов.
6. Создание видимых границ оказывало влияние на самовосприятие общин, проживавших на севере острова, поскольку стены отделили «своих» бриттов от «чужих». Это влияние не ограничивалось римским периодом, но также легло в основу более поздней традиции.

Практическая значимость результатов исследования. Материалы работы могут быть использованы в академической среде для лекций и практических занятий по истории Римской империи, а также при изучении широкого спектра политических, социальных и культурных вопросов, в том числе при анализе проблем “границ власти”. Помимо этого, полученные наблюдения и выводы могут найти применение в научной работе при составлении комментариев к произведениям античных авторов.

Апробация основных положений работы осуществлялась в ходе докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: XXI Сергеевские чтения (Москва, МГУ им. Ломоносова 2019), Жебелевские чтения XXII (СПб, 2020), Историк и текст — 2021 (Москва, ИВИ РАН 2021), Theoretical Roman Archaeology Conference (TRAC) (Сплит, Хорватия 2022), Текст и контекст в изучении античной культуры (Москва, РГГУ 2023), Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного (Москва, ИВИ РАН 2024).

Диссертационное исследование состоит из введения, включающего в себя обзор источников и основной историографии, трех основных глав с

параграфами, распределённых в соответствии с целями и задачами работы, а также библиографического списка и приложения.

II. Основное содержание работы

В первой главе «Провинциальные границы: устройство и организация» подробно рассмотрены северные границы римской провинции Британия с точки зрения практических деталей и их устройства. Среди них следует назвать, во-первых, Гаск Ридж, рубеж, представляющий собой линию римских фортов с сигнальными башнями, построенную в 70-80 гг. н.э., причем исследователи, например, Д. Вулискрофт и Б. Хоффман считают ее первой оформленной римской границей провинции. Во-вторых, Стейнгейт, линия, расположенная на перешейке Тайн-Солвей. Она приобрела особую значимость после отхода с более северных территорий, в том числе оставления Гаск Риджа. Стоит отметить, что по своей сути это скорее не граница, а дорога. Однако само существование Стейнгейт не только в качестве дороги, но и укрепленной границы сейчас не вызывает сомнений, в том числе благодаря данным археологии, включая анализ аэрофотосъемок. И, наконец, наиболее масштабные лимесы: Вал Адриана и Вал Антонина. Первый представлял собой линию в 117 км, состоявшую из фортов, милевых кастелей, башен, мостов, военной дороги, вала (*vallum*), причем внутри линии стены, и рва, а также стены, чего не было ни на одной другой границе, кроме Британии. Второй, протяженностью в 63 км, был похож по своему устройству, если не считать отсутствия милевых кастелей и вала.

То, как был организован процесс строительства, также стало темой главы. Для Вала Адриана это было непосредственно связано с замыслом создания фортификационного комплекса. Этот замысел, по-видимому, менялся: в нашем распоряжении имеются свидетельства о том, что

существовало два плана, по которым должны были обустроить границу. Изменения в плане называют устоявшимся в англоязычной литературе термином «решение о фортах» (fort decision), т.е. переосмысление того, как форты должны были вписаться в линию границы. Первоначально предполагалось, что граница должна состоять из линии стены с милевыми кастелями, башнями и небольшими фортами и дополнительно римляне хотели, в случае необходимости, использовать близлежащие форты, расположенные южнее стены, и их гарнизоны. Однако в дальнейшем, в линию стены решили также вписать новые форты, которые затем стали неотъемлемой частью границы.

Процесс строительства второй границы менее подробно изучен, такие исследователи, как, например, Дж. Пултер, Э. Граасталь и Д. Бриз, считают, что конечный результат соответствовал изначальному плану, тогда как Дж. Гиллам отмечает различия между различными частями стены и полагают, что планы менялись. Таким образом, вопрос остается открытым. Наиболее важным в этой главе оказывается подтверждение того факта, что различное устройство границ не влияло существенно на исполняемые функции.

Также эта глава касается вопросов того, кем были строители стены (части легионов, а также ауксиларии и местное население). Так, например, со строительством Вала Адриана связывают *legio II Augusta*, *legio VI Victrix* и *legio XX Valeria Victrix*, как и со строительством Вала Антонина.

Обе стены шли от моря до моря, создавая сухопутную преграду, отгораживающую часть острова, которая так и не покорилась Риму, несмотря на все попытки. Таким образом, две большие укрепленные линии стали отражением практической необходимости зафиксировать границы.

Вторая глава «Адрианов и Антонинов валы: имперская практика и идеология» посвящена связи между практическим и идеологическим значением северных границ империи. В качестве базовых функций, которые обычно выполняет граница, можно назвать в первую

очередь контроль над перемещением, а также фискальные и административные. Также границы могут служить реальным средством контроля или точкой опоры, с которой можно предпринять попытки продвижения дальше, имея за собой укрепленный рубеж. Но они же представляли собой линию, которая в представлении римлян отделяла их от всех остальных, становясь выражением идеи «свой – чужой», что особенно хорошо видно на примере именно британских стен.

В начале II века Римская империя включала большое количество территорий, и проблема их сохранения наряду с желанием совершать новые завоевания стояла насущно. Расширение территорий, продолжавшееся более ста лет, не могло оставить без изменений структуру государства, включая модели управления приграничными территориями. Вал Адриана был создан в период укрепления границ по всей империи и вписывается в ряд лимесов, созданных для защиты и контроля над римскими территориями и пересечением границ. Однако при более подробном рассмотрении видно некоторое количество особенностей.

Конечно, контроль и защита могли быть главными функциями этой укрепленной линии, но некоторые детали говорят о том, что они не были единственными. Сооружение несет и статусную символику, отражая желание императора увековечить свое имя и свое правление с помощью создания новых форм и способов управления территориями, а также монументального строительства. Другой идеологической задачей была демонстрация мощи Рима жителям провинции и ее соседям.

Авторы «Жизнеописания Августов» («*Ergo conversis regio more militibus Britanniam petiit, in qua multa correxit murumque per octoginta milia passuum primus duxit, qui barbaros Romanosque divideret* – «Итак, реорганизовав войско в соответствии с нравами правителя, он устремился в Британию, в которой многое поправил и первый повелел возвести стену длиной в 80 миль, чтобы разделить варваров и римлян»). SHA, Nadr. XI.2;

«*Nam et Britannos per Lollium Urbicum vicit legatum alio muro caespiticio summotis barbaris ducto*» – «Бриттов победил под руководством легата Лолия Убрика, и другая стена из дёрна была воздвигнута после того, как варвары были оттеснены». *Ant. P. V.4*) подчеркивают, что для стен важен именно образ императора утверждая, что строительство стены – это именно желание правителя. И, с одной стороны, это ретроспективное упоминание, все же символизирующее важную роль императора, поскольку очевидно, что само строительство и все процессы осуществлял не лично император, но его приближенные. Однако, с другой стороны, мы знаем о том, что, например, в случае Адриана, император сам приезжал в провинцию, чтобы проконтролировать положение дел. И именно личное присутствие императора на границе говорит о том, что это не только символизм, но и реальные действия, которые, в свою очередь, подтверждают символическую важность объектов и места. Эти и подобные взаимосвязи, скомбинированные из разных типов источников, свидетельствуют о роли идеологии при создании границ в Британии II века.

Важным кажется отметить, что речь идет о создании двух стен, похожих по формату, с разницей в 20 лет. Несмотря на монументальность второго объекта, который, не уступал по формату первой стене, Вал Антонина был оставлен спустя еще 20 лет после строительства. Создание новой укрепленной границы имело не только прагматическое значение, но и стало символическим выражением мощи Рима и демонстрацией его власти. При этом, если строительство стены Адриана было продолжением уже традиционного строительства лимесов его предшественниками, то строительство новой стены Антонина, дублировавшей уже имевшийся лимес, имело и дополнительный символический смысл, который едва ли не превалировал по сравнению с прагматическим. Возведение новой стены могло означать, что даже стены не остановят продвижение империи, пусть даже собственные.

Кроме того, решение о переносе границы (в обоих случаях), продумывание новых структур, необходимость учитывать взаимоотношения с местными племенами, чьи территории оказывались бы в новом статусе – все это сосредотачивало внимание центра на провинции, меняло устоявшийся уклад жизни внутри нее, а также в перспективе определяло дальнейшее развитие событий (то есть отказ от более новой границы), которое было прямым следствием того, как был реализован план.

Сложным и значимым оказывается вопрос сосуществования двух стен. Надо отметить, что Вал Адриана никогда не был полностью заброшен и продолжал использоваться и после строительства стены Антонина, о чем свидетельствуют данные эпиграфики. Например, надпись RIB 1132 из Корбриджа датируется 155-159 гг., а надпись RIB 2110 из форта Бирренс – 158 г., т.е. периодом, когда стена Антонина еще функционировала, а Адрианов Вал, на первый взгляд, должен был быть оставлен. На гражданское население территорий между стенами этот отход повлиял так же не сразу, как и первое изменение границы. Данные археологии свидетельствуют о сокращении количества хозяйств к началу III в., что могло свидетельствовать об ухудшении обстановки, необходимой для спокойного существования мирных жителей. Особняком стоят поселения и фермы, возникшие уже в III в. у стены. Однако во II в., изучение которого является предметом нашей работы, ситуация была другой: число поселений, если и сокращалось, то медленно, то есть появление римской границы поначалу не влияло существенно на рост или сокращение хозяйств на приграничных территориях. И тем не менее, римляне создали вторую границу, и переход с одной пограничной линии на другую со временем привел к изменению ситуации на севере провинции, включая изменение характера или даже исчезновение буферной зоны, что в дальнейшем привело к новому отказу от экспансии и возвращению на более стабильную

и безопасную границу времен Адриана. Сооружение стен постепенно сделало границы более осязаемыми для местного населения.

Появление на линии горизонта хорошо видимой издала стены, представляло собой зримый символ отделения провинции от внешнего, «варварского» мира. Изменились и практические возможности передвижений в пограничной области: переходить границу теперь стало возможно только в определенных, контролируемых римской властью, точках. К этим прагматическим следствиям добавлялось и идеологическое: само наличие пограничных укреплений ярко свидетельствовало о том, кто был отныне главенствующей политической и военной силой на острове.

Третья глава «Провинциальные границы и взаимодействие культур» посвящена тому, какое влияние границы оказали на взаимодействие между разными культурами (римской и бриттской).

Вал Адриана и Вал Антонина стали не столько местом разъединения и разделения, сколько местом соприкосновения культур, поскольку обеспечение жизни на границе находилось не только в руках римской армии, но также местного гражданского населения, будь то торговцы, ремесленники или жены и дети воинов. Помимо осуществления военных функций, непосредственно связанных со стратегически важными составляющими границы: военными укреплениями или пунктами контроля, — пребывание на стенах, а точнее при них, подразумевало и множество других аспектов, помимо чисто военного: здесь развивалась торговля и земледелие, и гражданские поселения представляли ту часть границы, где шла обычная повседневная жизнь, хоть и неразрывно связанная с римскими военными подразделениями, расквартированными в тех местах. Именно поэтому среди раскопанных зданий мы находим не только принципы, казармы, зернохранилища, по которым иногда вычисляют вероятную численность размещенных войск, но также храмы, бани и рынки. И,

например, Пол Бидвелл обсуждает поставки и связывает изменения зернохранилищ с изменениями численности войск.

Появление границ в целом сказалось на том, как теперь осуществлялось перемещение по прежде незанятым территориям, но наличие стены, вала, как и прочих элементов, не отличало эти границы от любых других. Более того, видимые различия двух границ влияли в основном на формат несения службы, то есть часть солдат должна была нести службу не только в форте или близ него, но и в других местах при стенах, например, милевых кастелях.

Менялся и масштаб непосредственного взаимодействия Рима с местным населением в различных сферах жизни, в частности, например, в военной. Здесь прежде всего показательны эпиграфические данные об участии уже упомянутых племен катувелланов, думнонов и дуротригов в строительстве стены Адриана (RIB 1672, 1673, 1843, 1844, 1962, 3376 и пр.).

Границы на севере Британии, и, в частности, стены, стали отражением образа провинции, сложившегося, благодаря встраиванию ее в историко-культурный контекст империи. Прежде «дикая» и «необузданная» Британия в литературной традиции постепенно становилась своей для Рима. Если Страбон в «Географии» выделял *нецивилизованные*, с его точки зрения, черты бриттов (Strabo IV, 5.2), то со временем на смену представлению о неких враждебных Риму бриттах «вообще» постепенно приходит более сложная картина, где одни племена становятся менее варварскими, чем другие и противопоставляются скорее «своя» Британия, подчиненная власти Рима и соответственно включенная в *orbis terrarum*, и «дикая» Британия за стеной. Поэт Клавдиан представлял остров, а точнее ту его часть, которая не была римской, в образе женщины, «одетой в шкуру дикого каледонского зверя» (*Caledonio velata Britannia monstro*), что было символом дикости (Claud. *De Cons. Stil.* II, 247-9). Важным здесь было

именно то, какую часть Британии (а именно север) он описывал с помощью подобной метафоры.

И даже будучи прежде краем мира («ultimosque Britannos» – «крайних бриттов» – Cat. Carm. XI.11-12), она со временем перестала казаться таковой. Все это произошло не в последнюю очередь благодаря появлению фиксированной линии, причем в таком контексте нет большой разницы, о какой именно стене бы шла речь.

В **заключении** сформулированы общие выводы, сделанные в ходе исследования. Изменения в расположении границ в северной части острова в течение относительно небольшого временного периода было в большой степени обусловлено идеологическими причинами.

То, как в итоге выглядели британские границы, а также тот факт, что римляне смогли построить две лимесные системы от берега до берега с разницей во всего лишь двадцать лет от начала каждого из проектов, есть ни что иное, как намеренная демонстрация силы, даже если изначально видимой она была именно в самих местах строительства. Возведение не просто укрепленных линий, но именно стен можно также воспринимать в качестве свидетельства серьезности намерений римлян.

Исследование было построено с привлечением нескольких категорий источников, каждый из которых направлен на определенную цель (археологические данные позволяют описать устройство и функционирование границ, эпиграфические тексты указывают на устройство службы и положение дел и взаимодействия общин в приграничных территориях, литературные источники повествуют о роли восприятия границ и римской идеологии).

Говоря об идеологических причинах возведения и последующего изменения границ, следует отметить, что принятие решений о строительстве стен и изменении границ в целом должно было быть согласовано или инициировано в Риме, то есть отражало то, какие решения

принимал император и его ближайшее окружение. Само по себе наличие лимесов можно назвать важным политическим решением, вне зависимости от того, было ли это продолжением политики предшественников по укреплению границ империи или утверждение новой идеи, которая появилась вопреки известной идее *imperium sine fine*, поскольку именно Рим решал, что есть этот самый *finis*.

Приложение включает себя карты, списки фортов и несколько наиболее значимых монет с изображениями на аверсе и реверсе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертаций:

1. Данилочкина К. С. Breeze, D. J. and Hanson, W. S. (Eds.) 2020: The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie. Series: Archaeopress Roman archaeology. Archaeopress, Oxford. // Вестник древней истории – 2022. – Том 82. – Выпуск 1 С. 195–204.
2. Данилочкина К. С. Вал Адриана: становление образа в истории // Преподавание истории в школе. – 2021. – № 2. – С. 76–79
3. Данилочкина К. С., Барышников А. Е. Современные исследования Адрианова вала: проблемы и поиски // Вестник древней истории – 2021. – Том 81. – Выпуск 2 С. 423–438.
4. Данилочкина К. С. Британия как край мира в представлениях античных авторов // Шаги / Steps. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 204–216. – DOI 10.22394/2412-9410-2024-10-2-204-216.

В других изданиях:

5. Danilochkina K. *S. Britannia Romana: Ambiguous image of a province* in: H. Van Enckevort, M. Driessen, E. Graafstal, T. Hazenberg, T. Ivleva & C. Van Driel-Murray (eds), *Current Approaches to Roman Frontiers. Proceedings of the 25th International Congress of Roman*

Frontier Studies 1, Leiden, Sidestone Press, pp. 61–66. DOI: 10.59641/3d278gp

6. Данилочкина К.С. Стены в Британии как символ императорской власти // ПУТИ ИМПЕРИЙ: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности (Материалы международной научной конференции (XVII Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова, г. Нижний Новгород, 3–5 декабря 2020 г.)/ Нижний Новгород. – 2023. – С. 89–95.
7. Данилочкина К.С. Brit(t)ones, Brittunculi и другие этнонимы Римской Британии как отражение представлений о «своих-чужих» // ERGASTERION. Связь понятий: реальная, метафорическая, парадоксальная / Отв. ред. Л.Г. Елисеева, С.В. Смирнов. Коллективная монография. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2024. – С. 110–125.